

ева роджер

18+

Кто такой господин Мур?

Ева Роджер

Кто такой господин Мур?

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Роджер Е.

Кто такой господин Мур? / Е. Роджер — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Банальная встреча в ресторане меняет жизнь главной героини. Почему? Потому что она встретила его. Несколько лет после этого она будет покорять вершины мирового бизнеса, путешествуя по Европе и Азии. Каждый день будет доказывать, что достойна его. Что случится, когда она все-таки докажет? Каким увидит она идеального мужчину? Кем он окажется - ее господин Мур?

Содержание

Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Ева Роджер

Кто такой господин Мур?

В комнате жарко и шумно. Жарко – это 36 градусов Цельсия в 10.00 утра по Пекинскому времени. Шумно – это равномерный гул трафика с резкими звуками автомобильных гудков, повторяющимися в интервале 2–3 минуты. Но человек ко всему привыкает, поэтому и я уже не обращаю внимания ни на безобразную и бесчеловечную какофонию механических звуков, ни на первобытную доисторическую жару, от которой не спасает никакой кондиционер.

Итак, действительно – кто он такой, этот Мур? Начну с самого начала.

Часть 1

Перед Новым годом в Харькове творится то же, что и в остальной части постсоветской Европы, которая начинается сразу за Польшей, а на восток тянется до Урала. Новогодняя суэта волной веселеньких песенок на радио и скидками в супермаркетах преодолевает высокие хребты Алтая и обрушивается на азиатскую часть Российской Федерации, останавливаясь только перед Тихим океаном и строго охраняемой границей с Китаем. На запад от моего родного города ёлочно-шампанское безумство движется под прикрытием католического рождества. И раз уж праздники начинаются с 25, почему бы по старой советской привычке не пройтись по магазинам и не запечь курицу в духовке. Такое мнение бытует в странах бывшего социалистического лагеря и, не встречая идеологического отпора на юге Европы вся бывшая Югославия, православные Болгария и Греция, разделяют уважение северных соседей к курантам, хрустальным бокалам и серпантину. С северо-запада от Харькова осаду все еще стойко держит Белоруссия, и ее национальное телевидение никогда не подводит ожиданий трудящихся по этому поводу. Президент, бой часов, загадай желание, с новым годом, сограждане! Про остальные страны я знаю больше понаслышке, да и не хочу я ехать в Германию и брать разрешение на фейерверк и шашлыки у бургомистра, а все празднования заканчивать строго в 21.00 согласно городскому положению о праздниках от 1689 года. Так что Новый год это тот самый праздник, который нас пока ещё объединяет.

Так и за объединенными столами в ресторане «Никас» собралась, как и положено в таком случае, очень разношерстная компания. Инициатором сдвинуть столы был друг этого самого Мура – архитектор Глеб, которому понравились мои подружки, одиноко изображающие счастье от своей независимой жизни и оглядывающиеся по сторонам в поисках достойных. Не все, правду сказать, были не замужем, но это, конечно, не имело значения. По правилам игры, придуманной скучающими от семейной жизни охотниками на изящных кошек, нам следовало хотя бы иногда изображать вселенскую скорбь и нуждаться в утешении и финансовой поддержке. Можно сказать, мы немного подыгрывали этим патриархальным представлениям о женщинах, поглядывая вокруг на богатеньких одиноких мужиков.

Присоединившийся к нам позже всех, третий столик был забит семейными парами, но что-то вышло из-под контроля жен и крепкие бизнесмены уже передвигали столы и бутылки виски к двум только познакомившимся компаниям.

Юля, чемпион какого-то теннисного турнира с высоким рейтингом в каких-то теннисных квалификационных таблицах нарезала подачи:

– Мы были на Кипре, тренировочный лагерь... и на выходных слетали в Хорватию. Там познакомились с администратором школы Джоковича... Ах, какая у него яхта!

Кто-то из вновь подсевших, кажется, директор мясокомбината, решил обозначить цель переезда за наш столик:

– А есть фотографии, как вы в купальниках по береговой линии... И солнце садится, а море горит золотом, – тут его фантазия застопорилась, наткнувшись на строгий взгляд жены, и он изобразил невинность, – такие себе «бегущие по волнам», помнишь Люсь, как у Грина?

– Какого Грина? – строго и подозрительно, вместо жены, спросила сама теннисистка, – тот, который из нашего «Альбатроса»?

– Александр Грин это известный писатель. «Золотая цепь», «Бегущая по волнам», ну или на худой конец «Алые паруса»! Знаете? Да, ничего вы не знаете! Совсем не читаете, мадам-музель!

Так в резко наступившей тишине и неловкости мы познакомились с Муром.

Через секунду, также резко беседа зашумела с двойной силой, как и бывает на застольях. Одновременно всем заговорилось на абсолютно разные темы: жена Люся беспокоилась об

оставленном дома французском бульдоге, друг «мясокомбината» интересовался стоимостью теннисной ракетки, архитектор Глеб расспрашивал меня про планы на 2 января...

Мур, в замшевом терракотовом пиджаке, мрачно ковырял оливье, поданное по новой моде в виде песочной пасочки с петрушкой на макушке. Из своего угла, зажатый архитектором и депутатом горсовета, он вдруг мило подмигнул мне. Словно знал, что я – то Александра Грина не только за «Алые паруса» уважаю.

– *Скучно! Боже, как же скучно! Bored! I am bored!* – Мур прерывает мои воспоминания и, продолжая рассматривать потолок, откидывает одеяло. – Видишь ли, дорогая, в том, как мы познакомились, нет ничего оригинального. Это скорее пошло. Ресторан. Компания малознакомых, но состоятельных мужчин подсаживается к столику девушек, тьфу, какие там девушки, женщины, которые очень даже не против того, чтобы занять богатенького дружка при обязательном условии соблюдения приличий. Фух, мне просто даже стыдно за собственное участие в подобном мероприятии...

Да, это Мур. Долговязый, совсем не атлетического телосложения, белая анемичная кожа и шатеновые кудри отросшей стильной прически. Он продолжает что-то бурчать, требуя беспристрастного взгляда на жизнь, и мне не остается ничего другого, как оставить его, раскинувшись на кровати у громадного окна с видом на реку, и переселиться на кухню.

Мур, на самом деле, никакой не Мур. Простой парень с обыкновенной русской фамилией, как это часто бывает на Украине. В бурных своей новизной нравов 90-х он познакомился с милой австралийкой из провинции Перт, которая по-миссионерски честно и бесплатно вела курсы разговорного английского в бывшем клубе милиции. Так же честно и бесплатно (студент курсов разговорного английского совсем не имел свободных денег для традиционного ухаживания) она была сражена все теми же кудрями и прямолинейным взглядом серых глаз, так что через год практики разговорного они уехали в Бризбан знакомиться с родителями – потомственными скотоводами, ставшими почти коренными жителями покоренного континента. Злые языки утверждают, что именно в той части света и хранится клад, сделавший Мура беззаботным и обеспеченным бездельником в Украине, (стране совершенно не пригодной для хранения сокровищ). На расспросы о жизни **там** Мур морщится, словно вспоминает какое-нибудь неудачное знакомство или капиталовложение:

– Не хочу говорить об этом ограниченном обывательстве. Буржуазия, морально разложенная христианской моралью и стабильной социальной политикой, – жалкое зрелище, поверьте.

Что на самом деле случилось в том далеком Бризбане доподлинно неизвестно. Разрыв с капитализмом в лице семейства Мурр приходился уже на экономически бурлящие нулевые. Превращение из некоего банального Петрова в загадочного Мура, возвращение в Харьков и начало активной предпринимательской деятельности, все те же злые языки связывают с кредитами, оставшимися невыплаченными в австралийских банках. Романтические барышни, не посвященные в детали пестрой биографии частого посетителя клубов и ресторанов, смело приписывают Муру гражданство Британии или Швейцарии, млея от одного перекатывания по рту этой краткой и необычной фамилии.

Чаша романтических барышень не минула и меня. Вернувшись домой после новогодней ночи в ресторане «Никас», расстрелянная в клочья эскападами цинизма, юмора и сомнительных комплиментов очаровательного наглеца, всю праздничную неделю я мысленно разговаривала с Муром и, задерживаясь перед зеркалом, репетировала остроумные ответы, представляя его лицо, озадаченное моей эрудицией.

Мой муж, вернувшись из симферопольской командировки (тогда было популярно проводить корпоративный Новый год в Крыму) обнаружил необратимые изменения в нашей семейной жизни.

Семейная наша жизнь давно уже была похожа на постмодерн любви, умершей за два года, и классику дома Облонских, но вот только после встречи с Муром я окончательно поняла, что не хочу жить с этим ставшим посторонним мне мужчине. Возможно, жить с женщиной я еще смогла бы, но соблюдать законное право супруга согласно Семейному кодексу на интимную близость не могла. После встречи с загадочным интеллектуалом моя интимная близость с кем-либо другим стала невозможной. Женско-аналитическим методом я вычисляла в настойчивости мужа упрямство и необходимость доминировать, чего до этого не замечала. Он тем же методом наоборот, резюмировал, что у меня кто-то есть.

Не связанная детьми и жильём, я никак не могла оставаться в официальном браке с давно надоевшим мне сокурсником по экономическому факультету! Где-то по городу ходил высокий мужчина в темно-синем пальто нараспашку и с руками, утопленными в глубоких карманах.

В трехмиллионном городе я надеялась случайно встретить его после своего развода. Улица Сумская, под легким наклоном увлекающая меня туда, к ресторану «Никас», площадь Свободы, всей своей легендарной незастроенностью в 11 гектаров, парки и переулки, – всё обещало мне встречу. Вот тут, между элитными бутиками. На выходе из мульти-брендового магазина обуви. Да, да! Именно тут, а не на километровом рынке, известном на всю страну сокращённой фамилией академика космонавтики, и не в громадных цехах не менее известного танкового завода, а именно тут блуждал мужчина – умный, состоятельный, уважающий приличия и ценящий в женщине душу. Пока он блуждал, я спешила домой, пересекая площадь и скрючиваясь в неудобной для входа и выхода маршрутке, сквозь стекла машин и автобусов выглядывала его. Следует упомянуть, что развод стоил мне потерей транспортного комфорта в виде комфортабельного «Субару», принадлежащего мужу.

После узкого офиса магазина интерьера и дизайна «Декорум-Плюс», бывшего моим рабочим местом последние пять лет, Наташей Ростовской я кружила по горбатуму, но все-таки золотисто-кленовому паркету своей квартиры, опустевшей после раздела имущества. И видела мне в дверном проеме фигура Мура в смарт-пиджаке, неловкого и робеющего. И оглядываясь на себя в отражение громадного шкафа-купе, доставшегося мне в силу его нетранспортабельности, я подавала ему вместо руки новомодную игрушку в стиле Гапчинской. «Поцелуй куклу!» – блистала я знаниями классиков литературы.

Он так и не появился.

Появилась я. В ресторане «Никас», сползающему одним своим крылом по склону улицы Клочковской к реке, а узкой парадной дверью открывавшемуся на городской исторический музей. Там, в ресторане, а не музее, в глубине залов, утопленных на полметра в землю, где-то за молочной колонной, по моим расчетам должен был обитать одинокий Печорин.

За столиками с двухслойными бело-коричневыми скатертями сидела городская публика высшего сорта, официанты разговаривали здесь громче, чем посетители, подмигивали старым клиентам и беспощадно игнорировали новичков. В новых ботинках с ярко-красными шнурками, завязанными праздничным бантиком, в узком длинном черном платье под пояс и кашемировом палантине фиолетового цвета я спустилась по трем мраморным ступенькам в заветный зал.

– Ах, смотрите, кто пришел!

Нет, никто не крикнул так, встречая меня. Едва ли финиковая пальма в углу пошевелила своими перьями. Хозяин заведения вынырнул из какой-то потайной комнаты и кивнул «Привет», проходя мимо. Спасибо, хоть кивнул!

Шепотом заказав яблочный штрудель и зеленый чай, а получив вишневый пирог с капустой, я оставила треть своей зарплаты мраморным ступенькам, бело-коричневым скатертям и финиковой пальме. Как говорят мои подруги, поймавшие в подобных местах очень прилич-

ных и порядочных любовников, в дорогом ресторане мы платим за место, за статус, за публику высшего сорта и, в конце концов, за шанс встретить волшебного принца. Такая себе лотерея. И для лотерейного билета, где на кону бесконечная счастливая жизнь в прекрасном замке, треть зарплаты – это хорошая цена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.